

Фальшивое «Завещание Петра Великого»: история одного фейка

Начнем галерею образов, пожалуй, с самой страшной сказки — о вечном российском экспансионизме.

В истории человечества есть немало фальсификаций, подложных документов. Откровенных фейков, говоря современным языком. Фальшивок, которым была уготована долгая историческая судьба и которые длительное время воспринимались как самые достоверные документы. Или их было выгодно считать таковыми, даже если в их подлинности изначально имелись сомнения. Ведь если фальшивка изобретена, значит, это кому-нибудь нужно. «Константинов дар», «Протоколы сионских мудрецов» — пожалуй, самые известные примеры. Но есть в мировой истории еще один сфабрикованный документ, сыгравший определяющую роль в формировании негативного имиджа нашей страны. Этот документ вошел в историю под названием «Завещание Петра Великого».

Основой «Завещания» стал один из масштабных антирусских мифов — о стремлении России подчинить себе весь мир. Этот миф формировался, конечно, гораздо раньше, еще на рубеже XV–XVI веков, во времена «открытия» далекой «Московии» ренессансными путешественниками и особенно в годы Ливонской войны (1558–1583), вызвавшей у европейских государей опасения по поводу возможной русской экспансии

и поставившей перед ними вопрос: не окажется ли со временем «русская угроза» даже сильнее и серьезнее турецкой? Русские в глазах некоторых европейских политиков выглядели варварами, стремящимися уничтожить западную цивилизацию.

Начавшиеся петровские преобразования заставили вспомнить о «русской угрозе». После победы России в Северной войне (1700–1721) страх перед мужавшим в сражениях государством еще более крепчал. Если допетровская Россия воспринималась европейцами как тираническая и рабская страна, варварское захолустье, которое из всех возможных реакций вызывало только отвращение, то после триумфа под Полтавой (1709) все изменилось. Если Петр I прорубил «окно в Европу», то европейцы именно тогда уже во второй раз «открыли» для себя нашу страну. Европа неожиданно для себя увидела мощную Россию, стремительно выходящую на европейский уровень. И это не только вызвало изумление, но и посеяло в душах европейских политиков страх перед «русской угрозой».

Эти страхи перед Россией усилились в конце XVIII столетия, ставшего для Европы очень напряженным. Просветители во многом подготовили французское общество к революции, которая повлекла за собой войны, сначала революционные, а потом и наполеоновские. Именно в это время появляется документ, послуживший основой фальшивого «Завещания Петра Великого». «Завещание» можно рассматривать как апогей страхов перед Россией, причем «страхов фантазии», то есть воображаемых — перед «русской угрозой» и «русским экспансионизмом».

Эта подделка сама со временем обросла легендами и даже после ее разоблачения продолжала распространяться и служить подтверждением якобы неизменного стремления России к мировому господству. Небольшой документ, состоящий из четырнадцати пунктов (совсем как «Четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона), которому было суждено стать знаменем антирусской пропаганды.

Начнем с того, что император Петр I никакого завещания не оставил, а фальшивые завещания в XVIII веке были весьма распространенным явлением. Но кто являлся автором этого документа?

В 1958 году американский историк Раймонд Макнелли, а в 1967 году французская исследовательница Симона Блан пришли к выводу о том, что автором первоначального текста документа был польский генерал Михаил Сокольник (1760–1816), в 1792 году принимавший участие в кампании против русских войск. После подавления восстания Тадеуша Костюшко он был отправлен в Россию и занимался там научными изысканиями. На родину был отпущен после смерти императрицы Екатерины II. В 1797 году Сокольник уехал в Париж и поступил на службу во французскую армию. В том же году он написал документ под названием «Общий обзор России» и предложил его правительству Директории. Конечно, никаких симпатий к России он не испытывал, более того, она была для него главным врагом его родины. В документе Сокольник обращается с призывом к Франции, забывшей о своей политике союзницы и защитницы Польши и не ведающей, что не только Польше, но и всей Европе угрожает опасность в лице России. В конце текста содержался «план уве-

личения России» Петра, добытый, по словам автора, в русских архивах, захваченных в 1794 году в Варшаве. Этот документ тогда не был востребован правительством Директории, поскольку внешнеполитические задачи были иными.

Однако спустя много лет о «Завещании Петра Великого» вспомнил мастер политической пропаганды Наполеон Бонапарт, ставший в 1799 году первым консулом, а в 1804 году — императором французов, сам стремившийся к мировому господству, причем не мифическому, а вполне реальному, и готовившийся к войне с Россией. В 1811 году генерал Сокольниковский был вызван в Париж, где принимал активное участие в секретных приготовлениях к войне. Именно Наполеон, просмотрев и отредактировав текст Сокольниковского, приказал включить его в книгу историка и сотрудника министерства иностранных дел Шарля-Луи Лезюра (1770–1849) «О прогрессе Российской державы от ее истоков до начала XIX века». Книгу планировали издать накануне Русской кампании, поэтому «Завещание» должно было обосновать необходимость военного похода в далекую Россию. Несмотря на то что реальная цель Наполеона заключалась в том, чтобы «проучить» императора Александра I, заставить его присоединиться к «континентальной блокаде» и совместно действовать против Великобритании, целью пропаганды было внушить солдатам, что они отправляются в Россию сражаться против русского варварства, дабы тем самым предупредить русскую экспансию. Однако работу опубликовали только в октябре 1812 года, когда ситуация для Наполеона была уже совершенно иной.

В заключительной части одной из глав этой книги, где рассказывалось об императоре Петре Великом, на двух страницах приводится резюме «плана Петра I», лишь незначительной редакторской правкой и очень небольшими изменениями отличающееся от текста генерала Сокольницкого. Это не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами один и тот же «документ».

По словам Лезюра, «преждевременная смерть Петра, может быть, спасла континент от большой катастрофы; но его проекты не сошли в могилу вместе с ним». Автор сообщает читателю, что в личных архивах русских императоров в Санкт-Петербурге хранятся секретные записки, сделанные рукой самого Петра I, в которых он изложил потомкам свои планы. Согласно этим «планам», Петр I советовал своим преемникам неуклонно преследовать во внутренней и внешней политике ряд задач, направленных на достижение заветной цели, а именно мирового господства России.

Документ можно условно разделить на две части. Первые двенадцать пунктов являются весьма сухим изложением принципов действий России, а также последовательных и конкретных внешнеполитических шагов, направленных на подготовку к установлению мирового господства. В соответствии с намеченной программой Россия должна предпринять следующее: приглашать из Европы «различных людей, особенно ученых» для использования западного опыта и укрепления своего потенциала; «поддерживать государство в системе непрерывной войны, для того чтобы закалить солдата в бою и не давать народу отдыха, удерживая его во всегдашней готовности к выступлению по первому знаку»; «всевозможными средствами расширять свои

пределы к северу, вдоль Балтийского моря, и к югу, вдоль Черного моря»; «поддерживать в Англии, Дании и Бранденбурге недоброжелательство к Швеции» с целью ее окончательного покорения; «заинтересовать Австрийский дом в изгнании турок из Европы; под этим предлогом содержать постоянную армию и основывать по берегам Черного моря верфи и, постоянно подвигаясь вперед, достичь Константинополя»; «поддерживать анархию в Польше, влиять на ее сеймы и особенно на выборы королей, раздроблять ее при каждом удобном случае и, наконец, покорить»; «заключить тесный союз с Англией и поддерживать с нею прямые отношения посредством хорошего торгового договора...» с целью «благоприятствовать усовершенствованию и увеличению русского флота, при помощи которого тотчас же надлежит добиться господства над Балтийским и Черным морями...»; овладеть торговлей с Индией; «углубиться до Персидского залива и озаботиться восстановлением прежней левантской торговли через Сирию»; «вмешиваться, невзирая ни на что, силою или хитростью, в распри Европы и особенно Германии...»; «заискивать и поддерживать союз с Австрией, убаюкивать ее любимой ее мыслью о преобладании... с целью постепенного ее ослабления временами даже помогать ей, а между тем втайне создавать ей врагов в Европе и особенно в Германии...»; «в супруги русским монархам избирать германских принцесс и путем родственных отношений и выгод умножать союзы для увеличения русского влияния в этой империи»; «пользоваться религиозным влиянием на греко-восточных отщепенцев или схизматиков, распространенных в Венгрии, Турции и южных частях Польши, привлекать их к себе всевоз-

можными прельщениями, навязываться в их покровители и добиваться над ними духовного главенства», подчинив в итоге Турцию и Польшу.

Последние пункты, 13-й и 14-й, посвящены непосредственно планам европейского господства России и являются откровенной русофобской фантазией, никак не связанной с объективной реальностью, но отражающей уже ставшие традиционными европейские страхи перед русским «варваром у ворот»: «необходимо втайне приготовить все средства для нанесения сильного удара, действовать обдуманно, предусмотрительно и быстро, чтобы не дать Европе времени прийти в себя». Сначала сделать предложение Версальскому двору, потом Венскому «относительно раздела между собой власти над всем миром». «Этот проект увлечет их и вызовет между ними войну насмерть, которая вскоре сделается всеобщей...» И вот тогда «среди этого всеобщего ожесточения к России будут обращаться за помощью то та, то другая из воюющих держав», а Россия тем временем выдвинет свои войска на Рейн, вслед за которыми вышлет туда свои несметные азиатские орды. «И лишь только последние углубятся в Германию, как из Азовского моря и Архангельского порта выйдут с такими же ордами два значительных флота под конвоем двух вооруженных флотов — Черноморского и Балтийского. Они внезапно появятся в Средиземном море и океане для высадки этих кочевых, свирепых и жадных до добычи народов, которые наводнят Италию, Испанию и Францию; одну часть их жителей истребят, другую уведут в неволю для заселения сибирских пустынь и отнимут у остальных всякую возможность свержения ига. Все эти диверсии дадут тогда полный простор регулярной армии дей-

ствовать со всей силой, с полной уверенностью в победе и в покорении остальной Европы».

Совершенно очевидно, что Петр Великий никак не мог мыслить категориями «несметных азиатских орд», «кочевых, свирепых и жадных до добычи народов», «греко-восточных отщепенцев или схизматиков», равно как не мог писать о «пустынях Сибири», не говоря уже о допущенных в тексте фактических ошибках. В целом «Завещание» отражает внешнеполитические реалии конца XVIII века, но вовсе не петровской эпохи. Прежде всего, в этом документе прослеживаются политические интересы Польши и Франции. Однако поскольку содержание документа было созвучно уже укоренившемуся взгляду на Россию и ее внешнюю политику, да еще в условиях войны, на такие «мелочи» просто не обращали внимания. В результате, мешая правду с вымыслом, Лезюр завершал формирование стереотипа «русской опасности», соединявшегося в сознании европейцев с мифом о «русском варварстве».

Какое-то время книга Лезюра, в которой был помещен «план Петра I», оставалась достоянием весьма узкого круга лиц. Во всяком случае, ничего не известно о первых откликах на публикацию этой работы. Прошло некоторое время, и этот документ оказался очень востребованным.

Почему эта фальшивка понадобилась в 1830-е годы? По окончании Наполеоновских войн и триумфального вступления русских войск в Париж Россия стала влиятельной державой на континенте, поэтому ее могущество начало вызывать страхи у других участниц «европейского концерта». Но одно дело совместная борьба против общего врага в лице Наполеона Бонапарта,

когда русская военная мощь была необходима, и совсем другое — активное участие России в делах Европы в рамках Венской системы международных отношений, закреплённой на одноимённом конгрессе. Дальнейшие успехи России европейские пропагандисты начинают интерпретировать в духе «русской угрозы» и «врага у ворот», нагнетая страхи, что Россия, укрепляя свои позиции на Востоке, вскоре непременно обратит свой завоевательный взор на Европу. Конечно, надо понимать, что, как и прежде, это были «страхи фантазии», поскольку Россия вовсе не собиралась завоевывать Европу, но ее активная внешняя политика преподносилась именно таким образом. Адрианопольский договор по итогам Русско-турецкой войны 1828–1829 годов и особенно Ункяр-Искелесийский договор 1833 года, заключённый между Россией и Османской империей, — все это укрепляло позиции России на Востоке и в зоне Проливов и не могло не провоцировать раздражения у «коллег» по пентархии, то есть пятерки европейских лидеров.

Июльская революция 1830 года и приход к власти короля Луи-Филиппа Орлеанского вызвали у императора Николая I, убежденного защитника принципов легитимизма, на котором была основана Венская система, взрыв подлинного негодования, и в эмоциональном порыве государь был готов отправить во Францию войска для восстановления на французском престоле «легитимного» короля Карла X. Точно так же он был готов оказать вооружённую помощь королю Нидерландов после произошедшей в августе 1830 года революции в Брюсселе и отделения Бельгии от Голландии. В итоге Николай I признал новый французский режим, россий-

ские войска в Европу так и не были отправлены, однако в глазах европейских либералов российский государь стал восприниматься как новый Аттила, а русские представлялись как гунны, готовые заполнить Европу. Французы же полагали, что от русской интервенции их спасло восстание в Польше, поглотившее силы России на целый год. Действительно, подавление Россией восстания в Царстве Польском 1830–1831 годов (а как иначе российские власти могли отнестись к мятежу на территории империи!) произвело крайне неблагоприятный эффект на общественное мнение Европы. Россию стали воспринимать душительницей польской свободы, а поляков — мучениками и борцами с русской тиранией. О том, что император Александр I в 1814 году даровал Царству Польскому конституцию и предоставил широкую автономию в составе Российской империи, в Европе вспоминать было не принято. В результате поляки стали любимцами «прогрессивной европейской общественности», а обратной стороной европейской любви к полякам стала ненависть к России.

Вовсе не случайно, что в 1830-е годы появляется целый ряд новых версий «Завещания Петра Великого». Упомянем лишь самые важные. В 1836 году увидели свет так называемые «Мемуары кавалера д'Эона», изданные Фредериком Гайарде, популярным тогда писателем, конкурентом и соавтором Александра Дюма. Почему «так называемые»? Потому что Гайарде, по сути, составил очередную мистификацию, соединив реальные записи одного из знаменитых авантюристов века Просвещения, французского дипломата кавалера д'Эона (1728–1810), с вымыслом: якобы кавалер д'Эон во время пребывания в дипломатической мис-

сии в Петербурге в 1756–1760 годах (там он будто бы переодевался в женское платье и фигурировал под именем девицы Лии де Бомон, но эту легенду выдумал сам д'Эон, а Гайарде только дополнил и разнообразил его фантазию вымышленными подробностями) раздобыл в секретных архивах Санкт-Петербурга текст «Завещания» Петра. Книга стала весьма популярной и в 1866 году (опять-таки после польского восстания 1863–1864 годов и очередного всплеска антироссийских настроений в Европе) была переиздана, правда, Гайарде убрал из этого издания сочиненные им от лица д'Эона рассказы о якобы романтических похождениях дипломата.

В 1839 году текст фальшивого «Завещания» был опубликован в книге польского историка, активного участника польского восстания 1830–1831 годов Леонарда Ходзко «Историческая, литературная, монументальная и иллюстрированная Польша». Именно Ходзко впервые связал планы «Завещания» с реальной внешнеполитической деятельностью Петра I. Книга оказалась востребованной и только за период с 1839 по 1847 год выдержала шесть изданий, сыграв решающую роль в популяризации в европейских странах идеи о завоевательных намерениях русских государей.

Под названием «Завещание Петра Великого» текст многократно использовался в антирусских политических целях и регулярно переиздавался на английском и французском языках, став манифестом русофобской мысли XIX века, а штампы и стереотипы об «азиатских ордах» и «пустынях Сибири» воспроизводились в разных текстах с завидным постоянством.